

МАХАТМА ГАНДИ

Мой Толстой

<Фрагмент>

Сорок лет тому назад, когда я переживал тяжелейший приступ скептицизма и сомнения, я прочитал книгу Толстого «Царство Божие внутри вас», и она произвела на меня глубочайшее впечатление. В то время я был поборником насилия. Книга Толстого излечила меня от скептицизма и сделала убеждённым сторонником ахимсы¹. Больше всего меня поразило в Толстом то, что он подкреплял свою проповедь делами и шёл на любые жертвы ради истины. Удивительно, в какой простоте и скромности жил Толстой! Рождённый и воспитанный в роскоши и комфорте богатой аристократической семьи, щедро осыпанный земными благами, какие только можно пожелать, этот человек, познавший все радости жизни, отвернулся от них в расцвете лет и никогда больше ими не прельщался.

Он был самый честный человек своего времени. Вся его жизнь — постоянный поиск, непрерывное стремление найти правду и воплотить её в жизнь. Толстой никогда не пытался скрыть правду, приукрасить её; не страшась ни духовной, ни светской власти, он показал миру вселенскую правду, безоговорочную и бескомпромиссную.

Он был величайшим поборником ненасилия нашего времени. Никто на Западе, ни до него, ни после, не писал о ненасилии так много и упорно, с такой проникновенностью и прозорливостью. Более того, выдающийся вклад Толстого в развитие идеи ненасилия способен посрамить нынешнее узкое и искажённое толкование её у нас на родине сторонниками ахимсы. Несмотря на то, что Индия гордо заявляет о своём праве считаться *karmabhumi** — страной, осуществившей ахимсу, несмотря на замечательные

---

* Землей кармы.

открытия в этой области наших древних мудрецов, то, что ныне у нас именуется ахимсой, похоже на пародию. Истинная ахимса должна означать полную свободу от злой воли, гнева и ненависти и беспредельную любовь ко всему существу. Являя своей жизнью образец истинной высочайшей ахимсы, Толстой с его огромной, как океан, любовью к людям служит нам маяком и неиссякаемым источником вдохновения. Критики Толстого писали порой о том, что он потерпел в жизни крах, что он так и не осуществил свой идеал, — не нашёл таинственной зелёной палочки, которую искал всю жизнь. Я не согласен с этими людьми. Верно, Толстой сам писал о своих неудачах. Но это лишь подтверждает его величие. Возможно, Толстой так и не осуществил своей мечты, но такова участь человека. Ни одному существу из плоти и крови не дано достичь совершенства по той простой причине, что совершенство немислимо, пока не преодолеешь полностью свой эгоизм, а от эгоизма не избавишься, пока пребываешь в оковах плоти. Толстой любил повторять: как только поверишь в то, что достиг идеала, дальнейшее развитие приостанавливается, и начинается движение вспять, ведь ценность идеала в том, что он удаляется, по мере того, как мы приближаемся к нему. Следовательно, заявления, что Толстой, по собственному признанию, не осуществил свой идеал, ничуть не уменьшают его величия, а лишь подчёркивают его скромность.

Часто поднимали шум из-за так называемых противоречий в жизни Толстого, но противоречия эти скорее мнимые, чем реальные. Постоянное развитие — закон жизни, и человек, строго придерживающийся собственных догм лишь из боязни показаться непоследовательным, неизбежно ставит себя в дурацкое положение. Потому-то Эмерсон и сказал, что глупая последовательность — пугало ограниченных умов. Пресловутая непоследовательность Толстого — показатель его роста и страстной приверженности правде. Толстой часто казался непоследовательным потому, что ему было всегда тесно в рамках собственного учения. О его неудачах знали все, о его душевных муках и победах над собой — он один. Мир видел лишь поражения Толстого, победу прежде всего не замечал он сам. Противники пытались нажить капитал на его ошибках, но Толстой всегда был самым строгим своим критиком. Он не давал себе пощады; не успевали критики указать на его ошибки, как он сам возвещал о них на весь мир, тысячекратно преувеличивая их и налагая на себя кару, казавшуюся ему необходимой. Толстой приветствовал критику, даже когда она бывала чрезмерно резкой, и, как все ве-

ликие люди, боялся людской хвалы. Он был велик даже в своих заблуждениях, и они являлись критерием не тщетности его идеалов, а его успеха.

Ещё одна великая идея Толстого — «труд ради хлеба насущного». Каждый должен в поте лица зарабатывать свой хлеб; жестокая нищета в мире объясняется тем, что люди уклоняются от этой своей обязанности. Толстой полагал лицемерием и мошенничеством все проекты по облегчению жизни бедствующих масс за счёт филантропии богатых, наслаждающихся роскошью и праздностью; пусть слезут с хребта бедняков, говорил он, и пресловутая филантропия никому не понадобится.

Верить для Толстого означало трудиться. И на склоне лет этот человек, проживший жизнь в холе и неге, занялся тяжёлым физическим трудом. Он стал сапожником и крестьянином, работал, не разгибаясь, по восемь часов в день. Но физический труд не притупил его могучего интеллекта — напротив, он лишь придал ему остроту и блеск; именно в этот период, в свободное от избранного им тяжёлого труда время он написал книгу «Что такое искусство?», которую считал своим лучшим произведением.

С Запада в нашу страну хлынул поток литературы, заражённой вирусом потакания человеческим слабостям, она преподносится в броской привлекательной форме, поэтому наша молодёжь должна быть начеку как никогда. Наш век — век меняющихся идеалов и тяжёлых испытаний, в этот кризисный период важнее всего, чтобы для молодёжи, особенно индийской, стало примером самоограничение Толстого, ибо только оно может даровать подлинную свободу нам, нашей стране и всему миру. Мы сами в большей степени, нежели Англия либо кто-нибудь ещё, преграждаем себе путь к свободе своей инерцией, апатией, социальной бездеятельностью. Если мы очистимся от этой скверны, никакая сила на земле не помешает нам обрести сварадж². В этот час испытаний, выпавших на нашу долю, молодёжь должна непременно следовать трём основным заповедям Толстого, упомянутым мной выше.

